

Лукьянов Артём

18+

Мародер. Трофейная душа

Артем Николаевич Лукьянов

Мародер. Трофейная душа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63829308

SelfPub; 2021

Аннотация

Трупы. Трупы. Повсюду. А ещё раненные. Тоже будущие трупы. А чё, война! А кому война, а кому... сами знаете чего. Трупы – это хорошо. Это курево, спирт, жрачка, это барахлишко какое-никакое, ценности, фотографии срамные, опять-же, оружие.

Артем Лукьянов

Мародер. Трофейная душа

Трупы. Трупы. Повсюду. А ещё раненные. Тоже будущие трупы. А чё, война! А кому война, а кому... сами знаете чего.

Трупы – это хорошо. Это курево, спирт, жрачка, это барахлишко какое-никакое, ценности, фотографии срамные, опять-же, оружие.

Но с оружия проку мало. Оно тяжёлое, а стоит дёшево. Этого добра чуть не под каждым кустом... Хотя, ежели нормальный пистоль попадется, ну, там, Люгер или Вальтер, то его можно выгодно обменять или даже продать. А винтари, наша Мосинка или немецкая Маузер – это никому и даром не нать! Мусор военный. Нет, в бою, может они и хороши, но как товар – дрянь. Бывает, конечно, что мужичок захудалый с хутора дальнего закажет винтаря для охоты или перед бабой своей покрасоваться: мол, защитник, воин. Ну даст он тебе взамен муки или крупы, может самосаду отсыплет от щедрот. Но это мелочь. Стоит связываться только когда совсем голодно.

Который крестьянин, он же боится сам на поле брани сходить, подобрать чего от мёртвых осталось. И правильно боится! Без сноровки, без опыта враз попадешься. А кому попадешься? А мне и попадешься или конкурентам моим. А горше того – нашей похоронной команде. Те с ходу в расход

пустют, на месте. А немецкие похоронники и отпустить могут, ежели полицаем или активистом скажешься.

Но хуже всего снайпер! И тут без разницы наш он или немец. Они, снайперы эти, офицеров из похоронной команды отстреливают. До сорок третьего наши драпали. Своих хоронить не поспевали. Так бросали. Но снайпера завсегда выставляли, чтобы, значит, покуражиться напоследок.

Я – человек бывалый, под пули за зря не полезу. Осмотрюсь сперва. К себе прислушаюсь. Меня чуйка эта (предчувствие по-городскому) не раз выручала. Я её завсегда слушаюсь. Снайпера, его же не в жисть не заметишь, на то он и снайпер. Но когда свербение под косточкой чувствую – знаю – прочь уползать надо, какой бы хабар ни грёзился!

Помню раз с корешем Прохой под снайпера попали. Он, Проха, там и полёг. Мне свезло. Затаился за трупом евойным. Прележал, не шевелясь до сумерек. А как своё тело чувствовать перестал, думаю, ежели сейчас не двинусь, то уж больше и не встану. Пополз неуклюже. Но снова свезло. Наплевал на меня снайпер. И то сказать, не в него же стреляли, ему долго таиться не резон. Пошел своих догонять. И кто знает, может сразу ушел, а может с азарту ещё караулил, подловить хотел... Тут лучше перележать лишних пару-тройку часов, переждать.

Мы же с ним, с Прохой, с зимы сорок второго вместе. Вместе призвались, воевали вместе. А как отступать надоело – остались. Дезертировали значит. И, ведь, воевали отважно,

пулям не кланялись. Прохора даже к медальке представили. Только вручения не дождался. Убёг.

Оно, ведь как? По началу за Родину, за партию, лично за товарища Сталина смело в бой ходишь. Геройски помереть хотишь. А опосля понимание приходит: вот померешь ты смертью храбрых и ни тебе, ни родным твоим, что Родина, что лично товарищ Сталин спасибо не скажут. Помёр и помёр, – вечная память герою. А своя шкура к телу ближе. Помирать не хочется.

Вот и сговорились мы с Прохой и еще с одним из нашего взвода дёру дать. И во время атаки чуть поотстали от взводного, стали помалу забирать влево и тишком-тишком с линии огня вышли да залегли. А как бой кончился да стемнело, в ближнем лесу схоронились.

Правда третьего порешить вскоре пришлось. Засомневался он. Я ж, говорит, комсомолец, я ж, говорит в партию заявление написал. Желая, говорит, кровью искупить ошибку свою. Ну не дурак? Такого не жалко. Ну Проха его штыком и приголубил.

Хлеб, тушенка, вода в флягах солдатских на первое время у нас с собою были. Мы ж готовились. А как три дня отоспались да харчи все подъели, так призадумались что дальше. А дальше решили хутор какой или деревеньку какую сыскать да подхарчиться. Долго по лесу блудили. Оголодали. Отощали. Пообносились. Ночью, пока луна светит, идешь, днем отсыпашься.

Набрели-таки на хутор. Из народа там только вдовица с детём малым да дед одноногий. В империалистическую охромел. Сами сказались окруженцами. Мол, до своих пробираемся. Хутор не богатый, разносолами геройских бойцов не потчевали, но мы и на картохе неплохо отъелись. Чуть не неделю на хуторе том прожили. А чего не жить-то: немцев нет, наши далече. Знай-жирей!

Только дед, сучий потрох, подозревать стал, вопросы всякие спросать... Вот чего тебе, хрен старый надобно?! Сидел бы себе на печи да помалкивал. Глядишь и жив бы остался.

А когда вдовицу решили попользовать, так прискакал дедок на своей деревяшке: Вы чего, мол, христопродавцы удумали, креста, мол, на вас нету. Не замайте, мол, бабу, за ней дитё малое.

Ну что за люди. Мы за вас кровь проливаем, живота не шадим. Нет, чтоб героям уважение оказать. От тебя убудет что-ли, сама, небось, по мужику стосковалась, а туда же – верещит, будто её фашистские супостаты забижают, а вовсе даже не бойцы красной армии чутка ласки просят.

–Шел бы ты дедок от греха, пока последнюю ногу не оторвали!

Только страх свой инвалид ещё в империалистическую растерял ну и попёр на нас двоих с клюкой на перевес. Понял, видать, что живыми их не оставим. А как живыми оставишь? Эвон сколько шуму от них.

Деда сразу, а мамашу сперва снасильничали и уж потом...

А дитё... А что дитё? Дитё без мамки не выживет. Что лучше, с голоду в муках помрет или так, сразу? Так что мы ему милосердие оказали.

Совесть должна мучать? Нет, не будет! Война кругом. Она ни баб, ни детей не щадит. Ей все едино.

Оставаться на хуторке нельзя. На мертвяков на заднем дворе поленницу обрушили, чтобы, значит, припрятать и обратно в лес. Жечь хутор не стали. Потому как дым заметют. Собрали какой-никакой харч и пошли восвояси.

Но самое ценное, что с хутора взяли – это одёжа гражданская. Без неё никуда! Наша-то форма и вовсе истоньшала да прохудилась. И ежели ты в красноармейской гимнастёрке, галифе да в башмаках с обмотками – сразу ясно кто таков. Немцу на глаза попадаться не моги! Да и нашим... А теперь, в гражданке, мы вроде-как местные селяне. Только вот заросли и небриты как лешие.

Форму с винтарями и красноармейскими книжками в лесу зарыли. Может сгодятся когда... Я только штык в сапог спрятал.

По проселку идти забоялись. По лесу тропками шли. Мы с Прохой сразу смекнули, что ни в немецкий, ни в советский тыл нам идти не с руки. Решили линии фронта держаться. Опасно, конечно, прилететь может, но в тылу опасней. На этой стороне полицаи бдят, выслуживаются перед новым хозяином, на той – СМЕРШ да НКВД свирепствуют. Во фронтовой неразберихе, думали, целее будем. Вот и шли на звук

канонады.

У нас же ни карт, ни компаса нету. Да и без надобности они нам потому, как обращаться не умеем. Это младший комсостав обучали, а наше, рядовых дело, – в атаки ходить да ура кричать да падать смертью храбрых.

Хоть тропками и шли, но большака держались. И вывел на недавнее поле боя. Бой не сказать, чтобы большой. В сводках такие значатся как «местного значения». По батальону с каждой стороны примерно. Похоронная команда своих схоронила по отдельным могилам. Каждому надпись на кресте и каску сверху. А красноармейцев стащили в воронку да землей присыпали.

По первости дивувался чего это немцы так тяжко трудятся. Известно: землю рыть – работа не лёгкая. Это я потом только узнал, что закапывать местных жителей пригоняли, а похоронная команда, знай себе, документы и трофеи собирала да командовала.

Но не всех они после боя того закопали. Нашли мы вдали в кустах ефрейтора немецкого. Он, видать, отсидеться хотел, но шальная прилетела. Прямо в ухо. Наповал. А времени прошло, он уже распух, завонялся. Птицы личность потратили. Но мы не брезгливые. Обшарили. Крест нательный, кольцо золотое... А из карманов: портсигар с цыгарками буржуйскими, спички, немного денег немецких да ножичек складной. Уж больно мудрёный ножик. Когда разложить, то есть и лезвие, и шило, и ложка, и даже, зачем-то, такая железка

острая в спиральку кручёная.

А ещё в металлическом цилиндре (ну, знаете, ребристый такой, у немцев сзади на ремешке висит) нашли сладкую коричневую плитку, сухари да банку тушенки, а еще сменное споднее и фуфайку тёплую. Всегда было интересно чего немцы в этих цилиндрах носят. Вон оно, значит, чего. Опосля только узнал, что цилиндры эти для противогазов. Только немец, не будь бурак, противогаз выбросил и носил там чего понужнее.

Его споднее, что на теле, обшарили да прощупали, но не нашли ничего. Это наш солдат, что есть ценное, завсегда в споднее прячет. А у них, знать, не воруют.

Оружие брать не стали. На что оно нам? Навоевались! А охотится в лесу ненакого. Все зверьё война распугала. Только воробьи с воронами и остались.

Эта сладкая коричневая плитка нам шибко по скусу пришлась. Потом уже когда сам немцев марадёрил, завсегда её в первую голову искал.

Вот интересное дело: ещё когда в красноармейцах служил, отцы командиры наставляли: мол марадёрить не моги, а трофеи – святое дело. За марадёрку – военно-полевой трибунал и расстрел. А как бойца расстреляли, особист сейчас это добро себе в вещмешок! Мол, трофеи.

Как ни силился, не мог понять в чем разница! Может по скудоумию, а может и нет её, разницы этой. А ещё бывало, когда в войсках немецкое оружие после боя собирали, то все

по описи старшине сдай! А ну как свою мосинку на немецкий МР-38 сменить? А хрен тебе: -Ты что, вражина, немецкое оружие за лучшее полагаешь? Может ты шпион или провокатор? Может тебя к особисту?

В войсках даже трофейные цигакри курить не моги! Только свою махорку из кисета. А политрук с особистом небось курют. Вот, опять-же, эти цигакри, они трофейные или намарадёранные? А? Их же с мертвяка взяли. Не сам же немец угостил! А, вот, ежели портсигар себе оставил или часы, к примеру, то ничего, можно.

Вот я и говорю, – нету разницы между мародёркой и трофеями. Политрук, тот расскажет какая разница, только все это болтовня комиссарская. Их нарочно вранью обучают. А когда путаются и в болтовне ихней что-то не сходится, то трибуналом страшат!

Я, может, в университетах не обучался, но грамоте знаю. Как-никак семь классов образования. Да и семья не от сохи! Батя-то мой попом в нашей сельской церкви был. А как большевики бога отменили и церковь под зерновой склад пустили, батя в мракобесии покаялся да пошел простым колхозником в бригаду на полевой стан. А дураком, знать, не был, коль скоро в бригадиры вышел. Мог бы и председателем стать, да происхождение не пушало.

Семь классов – это вам не хухры-мухры. Моих семь классов против обычных трех – это большой перевес. Потому в сельсовете писарем трудился. Всё не в поле спину гнуть!

Опять же к начальству ближе, к начислению трудодней.

В нормальной жизни я не больно-то разговорчив. Молчун. Но в нутрях, в голове, то есть, болтовня ещё та творится. Мысли, их же по своему хотению не остановить. Знай себе клубятся, кувыркаются. Бывает и в готовые слова складываются, будто говорю, спорю с кем-то.

Времени свободного у меня много. Понемногу мародёрю, но всё больше отлеживаюсь в схроне да мыслями шевелю от досужия.

Насмотрелся я на войну эту и так себе думаю: никому раненные не нужны.хлопот с ними... Вот смекайте сами: с поля боя его вынеси, в санчасть доставь. А там дохтура, операции, нянечки, утки, бинты, лекарства, опять же! А опосля – отпуск предоставь, а то и вовсе комиссуй. Всё это деньги, и не малые!

С мёртвым куда как проще – в сыру землю его и дело с концом!

Сколь уже повидал такого, что идет к примеру, похоронная команда. А офицер достреливает раненных. И не таких доходяг, каким осталось чуть, а вполне могущих ещё одужать. И немцы так делают.

Вот и выходит, что не нужны Родине раненные. Дорого обходятся. Проще рекрутов набрать. Их, дураков, – пруд пруди! Поди, в очередь встают, чтоб за Родину помереть!

А раненных после всякого боя, их же завсегда больше, чем убитых. Много больше!

Нет, я конечно понимаю, что который раненный, он одужавши, снова в строй станет. А за одного стрелянного трёх не стрелянных дают. Потому и лечит их всё-же государство.

Видал как наши убитых хоронили. В спешке. Находят большую воронку, если мала – копают глубже. И всех туда. Навалом. Вот тебе братская могила.

Хорошо, если книжки РККА пособирают с трупов, медалионы смертные. Тогда родные паек получали за павшего. А нет, – так бойца в пропавшие без вести зачисляли. Тут уж родным без пайка помирай. Да ещё отношение как к семье окруженца или из плена вышедшего – предатель в глазах Советской власти.

Запомнился мне случай. Это я уже сам промышлял на поле боя. Ползу себе, стало быть, трупы обшариваю. Слышу, из воронки, бормотание и хлопанье. Подполз. А там немецкий унтер живой. Ну как живой, – кишки свои в руках нянчит. Видать, осколками посекло. Не жилец. Но при сознании. За-видел меня и «ком» бормочет. Ну я к нему скувыркнулся и давай по карманам шарить. А он сам даёт мне все, а между тем письмо протягивает и лопочет по-своему. Просит, знать, чтобы евойной фрау отправил. Ну я взял, мол, помирай спокойно. А он все «Данке», «Данке», да и затих. Письмо я, конечно, выбросил, но удовольствие ощутил, что умирающему отраду доставил. Видать, не совсем ещё пропавший я чело-

век, видать не всё ещё война во мне загубила.

Добро трофейное по схранам прятал, да и сам там же отлёживался. Схран надобно в самой непролазно глуши лесной устраивать. А как на дело, то разными путями от него ходить. Проходы каждый раз за собой листьями да ветками заваливать, чтобы тропки не оставлять. Было так, что и сам однажды, обратной дороги не нашёл. Так и пропадало добро. А жалко. Уж больно антиресный фотографический парат добыл намедни у немца.

Что это за штука, я знаю. В село к нам городской фотограф приезжал, на карточку желающих печатлел. Потом в военкомате ещё сымали. Но там фотопарат совсем другой был: деревянный ящик на треноге. А энтот – сплошь стёклышки да рычажки и кнопки железные. И размером меньше кирпича. Красивый. «Лейса», почему-то, написано. Ну да ладно, ещё добуду, коли живы будем.

Но схран – дело, хоть и хорошее, но больно уж временное. Надолго обосноваться в нашем деле никак нельзя. Линия фронта передвигается и мне, стало быть, за ней. Так, иной раз, готовые схраны с добром доводилось бросать. Потому правило себе завел: без харчей на день, да без пары-тройки ценных побрякушек (ту, там, фонарик, ножичек, зажигалка, часы...) из схрана ни ногой!

А ещё завсегда при себе самопишущую ручку носил. Чудная. Пишешь и пишешь, никуда макать не надо. Я ж со шко-

лы ещё привык: написал перьевой ручкой слово-другое, макнул в чернильницу-непроливайку и дальше пиши. Мне ручка эта без надобности, гросс-бухов не веду.. Так для форса.

Хорошо, когда городок какой возле линии фронта имеется. Там базар-толкучка. На базаре том завсегда можно сыскать человечка, что трофеи скупает. Любые трофеи: от сухпайка до ювелирки. И платит за это оккупационными марками, а бывает, что и рейкс-марками. Конечно, когда сам в рядах продаёшь, – много больше наторгуешь, но риск имеется – замести могут. А так все оптом сгрузил, деньги получил и в кабак! Но в кабак не чтобы напиться пьяным, а, чтобы горяченького поесть да срамную девку попользовать.

Спирт от наших да шнапс от немцев у меня завсегда в достатке, а вот горяченького нечасто отведаешь. Огонь в лесу разводить остерегаюсь, опасаясь, как бы дым не выдал. Потому всё больше сухомяткой перебиваюсь.

Непотребные картинки имеются. Это да! Почитай у каждого немца они с собой. Вместе с письмами из дома или от Гретхен. Уж больно забористые эти картинки. Ихние бабы на наших совсем не похожи. У них не платок повязан, – шляпка! Или чепец. Бельишко, беспрременно, кружевное, а как чулочки, то не простые, нитяные, а вовсе даже фильдеперсовые! Любо-дорого!

Поначалу письма солдатские не брал, выбрасывал. Но потом от скуки собирал и читать начал. Мне-то в лес никто пи-

сать не станет, а в части числюсь, как без вести пропавший, поди, уже и родных оповестили. А чужие письма, бывало, считаешь, и будто весточку с дому получил.

Там – тётка Марфа двойню родила, тут – Хавронья опоросилась, а ещё председатель запил, потому как на фронт не пускают. Бывает, что из эвакуации со Средней Азии родные пишут как устроились. Это ж скольким семьям война жизнь поломала... Мне эти письма интереснее, чем газеты местные. В газетах сплошь враньё и пропаганда, а тут жизнь.

Хоть не знаком я с тёткой Марфой, с председателем, а только жизнь, она по всем колхозам, да и по стране одинаковая. И у меня дома кто-то опоросился, кто-то запил. А я, тут, в чаще сижу, комаров кормлю и костёр развести не решаюсь.

А ну ка, где тут фляжка со спиртом...

Заметил, что не один я такой. Конкуренты образовались. Раз пошел на мародёрку. Сестрички уже прошли, раненых собрали, а похоронщиков нету. Потому как наши в атаку ходили, да полегли зазря. Немца из траншей не выбили. Каждый на своей позиции остался.

И, вот, ползу я, стало быть, промеж трупов, мародёрю. В кусты заполз, там поглядеть. Да вовремя! Слышу: возня какая-то и шёпот. Затаился и одним глазом выглядываю. А там трое наших. Сержант и рядовые. Оборванные, заросшие. Видать из окружения выходили, да передумали своих догонять. Дезертировать решили. Тоже по трупам шарят.

Мне встречаться с ними не резон: ежели идейные, то как врага народа шлёпнут, а ежели дезертиры, то им свидетеля за спиной оставлять никак нельзя. Обратное шлёпнут. Если уж совсем свезёт, то к себе возьмут. А мне к ним даром не нать. Я одиночка!

За старшого не сержант у них, а рядовой с бандитской харей. Видать, из «социально близких», из уголовных. Такой шлёпнет и фамилии не спросит! И вот, лежу, дышать боюсь. А тут, как на грех, сопля свисла. Здоровая! И не рукавом утереть, ни зашмыгнуть обратно. Услышат, ведь, ироды. Так и пролежал всю дорогу мордой в траву, да с соплей из носа.

Хорошо, их с нашей стороны заметили, стрелять стали. Спугнули.

Опосля ихнего старшого в городке встрел. Он хабар сбывал. Где-то гражданку добыл. Но на местного всё одно не походил. С харей евойной в полицаи бы. Но такой и в полицаи не пойдёт. Сразу видать, – не терпит начальство над собой. Одиночка, как я. Он и корешей своих порешит, коль не нужны станут. А может уже порешил.

Личность мою он не видал, потому узным быть не опасался. Проследил за ним. Он как хабар на базаре сбыл, сразу в переулочок шаст, да денгу переполовинил. Часть в лапсердак, в карман, а часть в шапку. Знать, крысятит от товарищей. Опосля в кабак пошёл. Выпил, закусил, но до пьяну не напился. Меру знает. Проводил до околицы, дальше в лес за

ним идти не стал. Забоялся.

Потом у базарных о нём поспрошал. Сказывали, что немедни в Гестапо его забрали. Больше его никто не видывал. И товарищев евойных тоже не видали.

Сдаётся мне, в городке этом не долго ещё пробуду. Неделе, много две. Фронт передвинется и мне за ним. Таких как я много ещё за армией кочует: торговцы разные, срамные девки.

Эвон, моя зазноба Малгося с самого Перемышля за немцами идет. А в городе иль селе большом при кабаке местном обретается. Кабатчику толикой заработку кланяется за крышу и постель.

А торговцы скупают у местных за бесценок одёжу тёплую да вкусности всякие, что немцам надобны. Снабжение у немцев, конечно хорошее, да только где обоз этот? Отстаёт за всегда. На солдате, ведь, форма летняя, – трусы, майка да мундир. А ночи бывают холодные. А в окопе земля сырая. Потому, под мундир тёплую фуфайку одень, а на ноги носки шерстяные обуй. А который радикулитный – собачий пояс нужон. Всё это у торговцев фронтовых имеется.

Жалование немец хорошее получает. Деньги есть. Поди, всяк побаловаться леденцом иль конфетой желает. Или яиц пяток. Небось повар на полевой кухне за так глазуню не пожарит. Яйцо – два ему отдай и не греши.

Солдат, он ведь, под смертью ходит. Ему каждый день как

последний. А съел чего вкусное, так и помирать легче.

А немецкое командование не возбраняет и налогов не берёт. Она, армия немецкая, ведь избавление от коммунистов принесла на освобождённые земли. Потому частную торговлю поощряет. А вот полицаи да староста, те налог сполна взимают. Не отбрешешься.

Сколько времени зря потрачено! Я, ведь трупы обирал, а в рот мертвяку не заглядывал. А там зубы золотые. И у немцев, и у наших. Не у всякого, конечно. А только за два-три зуба недельку сытно прожить можно.

Теперь на дело завсегда с щипцами хожу. Я их, щипцы эти у крестьянки за цветастый платок сменял. А платок у мертвого немца, с запазухи добыл (должно, своей фрау отослать хотел). А немец платок этот небось у другой крестьянки отнял. Вот, ведь, круговерть какая!

Ой. Чевойто? Чего так сильно в грудь ударило? Всё вокруг замерло, дух перехватило, дыхнуть не могу, но боли нету и страха тоже нету. Хоть никогда не помирал раньше, сразу понял: всё, помираю. И побежали, запрыгали мысли. Да так быстро, будто в клубе киноплёнка порвалась. И мысли всё разные:

- Неужто пулю сердцем поймал.
- Портянку бы перемотать, сбилась.
- Надо бы Малгосе портсигар серебряный и немного день-

жат снести. Обещался.

– Была бы при себе красноармейская книжка, может, паёк бы родне вышел.

– Каждый день эту пулю ждал, она прилетела, а я не готов.

– Всё расслабилось. Неужто обосрись как остальные перед смертью.

И еще сто других мыслей за последний миг. А между тем, ясно чую как тьма и холод быстро, слишком быстро, поднимаются от ног к груди. Не остановить. Ещё чуть и накроет.

2020